

Пропали дети

Одноактная пьеса

Действующие лица

ДАША ХАУСТОВА — актриса, общественный деятель, 35 лет.

ЯРОСЛАВ ЯРЫГИН — мелкий предприниматель, 25 лет.

ДОЗНАВАТЕЛЬ ВОЙЦЕХОВСКИЙ — сыщик из райотдела, 40 лет.

ПОЛКОВНИК АЮМОВ — сыщик из Москвы, 48 лет.

Занавес открыт. Декорация представляет собой внутренность большого загородного коттеджа, обставленного по российским канонам приличия и достатка «девяностых-нулевых». Большой холл, он же гостиная, расположен на первом этаже. Ближе к зрителю, справа, входная дверь, ведущая прямо на крыльцо. Рядом с ней вешалка, где висит только связка ключей. На решётчатый коврик для ног небрежно поставлены две картонные коробки и пара затянутых полиэтиленом упаковок, какие привозят курьеры-доставщики. В окно рядом льётся синеватый отблеск зимнего загородного вечера.

Слева из холла сделан проход на кухню, задёрнутый звенящей занавеской из верёвочек с бусинами. В дальней стене видна небольшая дверь матового стекла — очевидно, в ванную. Наконец, ещё одна дверь, тоже стеклянная, но большая, двустворчатая, расположена наверху, туда ведёт лестница из десятка ступенек — должно быть, на втором этаже коттеджа расположена спальня или кабинет.

Ближе к кухне — стеллаж, заставленный книгами и безделушками. Оттуда давно не стирали пыль. Посреди комнаты — диван с беспорядочно наброшенным на подушки покрывалом и кресло-качалка, укрытое пледом.

После третьего звонка в холле тускнеет по-вечернему. Электрический свет на кухне скрадывает занавеска. В полумраке ярче становятся разноцветные подвижные отблески на стеклянной двери второго этажа. Кто-то там смотрит телевизор. Его бормотание делается всё более отчётливым, становится слышен голос девочки — заплаканный, нетвёрдый, полный тревоги и усталости.

ГОЛОС ДАШИ. ...И я хочу вам просто сказать... Попросить всех вас, кто услышит... Помогите мне... пожалуйста. Мне сейчас очень холодно, мне очень страшно здесь, я совсем одна, и я не знаю, как теперь мне вернуться. А я очень хочу вернуться

домой. Я очень хочу жить. Я хочу вырасти и стать взрослой... и увидеть вас всех, увидеть... *(всхлипнула)* и сказать, как я вас всех люблю...

Свет на кухне гаснет. Раздвинув занавеску, в холл выходит ДАША ХАУСТОВА, в руке у неё небольшой кухонный ножик — видимо, его она на кухне и искала. ДАШЕ лет за тридцать, выглядит она очень хорошо, но немного странно, потому что на вечернее платье накинула — для тепла — куртку-дублёнку, в каких обычно ездят зимой на машинах деловые привлекательные женщины. ДАША медленно доходит до дивана, присаживается на подлокотник и повторяет всё тем же голосом напуганной девочки.

ДАША. Увидеть вас всех и сказать, как я вас всех люблю... *(Глядит в зрительный зал и делает характерный жест, каким репортёр обращается к оператору, записывая репортаж: «стоп камера». Говорит деловито, хотя и устало.)* Нет, ещё раз давай... Мне очень страшно, я здесь совсем одна. А я очень хочу вернуться домой, очень хочу жить и стать взрослой... и увидеть всех, кого люблю... *(Снова жест «стоп камера».)* Нет, слушай, не будем это записывать... Просто будет закадровый текст моим голосом. Двенадцатилетняя девочка — не очень хорошая идея...

Пару секунд ДАША размышляет, вертя в руке кухонный ножик. Решительно поднявшись, подходит ко входной двери и, склонившись, режет пластиковую упаковку, где оказываются стандартные шесть двухлитровых бутылок зелёного лимонада. Достала две, шагнула вглубь комнаты и наткнулась на кресло.

ДАША. Вот это всё убрать надо будет. Слишком много мебели в кадре. Здесь я иду, здесь оборачиваюсь... Пишешь? Не надо пока... *(Поставила одну из бутылок на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж.)* Вот это здесь всюду будет стоять. Зелёная — красная, оранжевая — зелёная. Свет надо поставить так, чтобы было красиво, чтобы камера идёт, а тут всюду бутылки с лимонадом. Пишешь? Давай, работаем. *(Ставит вторую бутылку у стеллажа, присела рядом)*

на корточки. *Балансируя на высоких каблуках поднялась, провела пальцем по книжной полке, сдула пыль.*) Добрый вечер. С вами Даша Хаустова и её программа «Пропали дети». Этот дом стоит в двадцати километрах от города, на территории коттеджного посёлка, в полукилометре от шоссе, и не раз... *(Прервалась.)* Долго слишком... Этот дом в пригороде не раз становился местом происшествия. Я могла бы сказать «местом преступления». Но дело сдано в архив. Все пропавшие дети найдены. Живыми или нет, но найдены. Все. Кроме этих двоих... А тут чего? А тут заперто. *(Снова поднялась по лестнице, подёргала стеклянную дверь на втором этаже.)* Мальчика оставили дома одного, телевизор смотреть. Было уже поздно, но попробуйте загнать в кровать тринадцатилетнего подростка. Ему как раз исполнилось столько... *(Обернулась.)* Вот красная должна быть наверху... Камера вот так снизу вверх, и зелёная, оранжевая, жёлтая, а последняя красная, понимаешь?.. Это нормально будет... Потому что лимонад — это типа детская мечта, чтоб было много лимонада... Да, я тоже мечтала... Давай не будешь меня учить, ок? Я Даша Хаустова, я знаю, про что я мечтала. *(Теперь она у стеллажа. Берёт одну за другой безделушки.)* Девочке было двенадцать... Но в руках она держала куклу. Может, она решила попрощаться со своим детством, ведь... *(Запинается, деловито.)* Нет, давай ещё раз... Девочка держала в руках плюшевого медведя... Значит, надо медведя сюда положить ещё. Плюшевый — это вообще как? Какой бархат? Голову-то включи, ты где видел бархатных медведей?.. Я не злюсь... Будем работать... Анонс уже крутят на канале, так что я буду работать, а ты будешь снимать... Я не ору... Тоже устала, тоже хочу спать, но я не ору... *(Устало присаживается на подлокотник застланного пледом дивана.)* Те, кто равнодушен, могут помочь при помощи... блин... посредством? Посредством перевода средств... *(Перехватило горло, сбилась.)* Господи... Попить чего-то есть? Не лимонада, простой воды... Нет воды? Блин... Санузел тут где? *(Подходит к двери ванной, включает там свет, но вдруг, заинтересовавшись, засовывает*

руку за дверь и разглядывает тень на матовом стекле.) А по-смотри, как интересно. Это видно, если я стою внутри? Вот тень на стекле? (Устало и без желания отвечать на пошлую шутку.) Да нет, не моюсь, а просто стою. Ой, всё! Хватит на сегодня. (Скрывается за дверь. Пару секунд Дашина тень видна на стекле, потом пропадает.)

Из зрительного зала к рампе проходит ПОЛКОВНИК АЮМОВ. Это мужчина лет пятидесяти, на нём кожаный пиджак, в каких обычно ездят зимой на машине деловые энергичные преуспевающие мужчины, на руках перчатки, в ухе телефонная гарнитура, под пиджаком виднеются белая сорочка с галстуком и бордовая жилетка. И всё-таки в облике его чувствуется офицерская выправка.

АЮМОВ (задумчиво глядя на дверь, где скрылась ДАША). Вот тварь... (Достаёт из кармана пиджака смартфон, тычет в экран пальцем, набирая номер.)

В глубине зрительного зала слышится мелодия «Песенки Мамонтёнка» из известного мультика. Она скверно исполнена хриплым рингтоном дешёвого сотового телефона.

ГЕННАДИЙ ВОЙЦЕХОВСКИЙ лет на десять моложе АЮМОВА, одет по-домашнему, в вязаном кардигане и неглаженных брюках. Он трёт лицо ладонью, как будто только что спал и не успел побриться. Телефон достаёт из кармана поспешно и, нажав кнопку, молча прижимает к уху. Так делают, когда боятся, как бы звонок не разбудил домашних.

АЮМОВ (официальным тоном). Лейтенант Геннадий Войцеховский?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (поглядел на телефон, чтобы понять, сколько времени). Нет...

АЮМОВ (уточняя). Дознаватель районного отдела?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Вот вы в отдел позвоните, днём — там я буду дознаватель. А сейчас я сплю. И семья у меня спит...

АЮМОВ (*голосом, каким называют пароли*). Коллега из провинции?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*узнал голос звонящего и снова потёр лицо*). Коллега из столицы?

АЮМОВ. Начальству так же по телефону хамишь, Гена?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*зевнув*). Начальство-то знает, что я теперь старший лейтенант. Старший! Мы тут, на земле, тоже карьеру делаем, товарищ полковник. На часы глядел?

АЮМОВ (*невозмутимо*). Эта тварь уже в доме... Дом на твоей земле...

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. С чего ты взял?

АЮМОВ. Я тебе ссылку на видео посылал. Ты сообщения не просматриваешь.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*хладнокровно*). У меня чёрно-белый телефон, colega!

АЮМОВ (*его непросто вывести из себя*). Как ты работаешь, Гена?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Нормально работаю. Я новый телек для девчонок купил. Теперь по кредитам двадцать тыр каждый месяц. Новый телефон подождёт.

АЮМОВ. Включи свой телек, colega из провинции.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Так они спят сейчас. Ты словами скажи. Какая тварь? В каком доме?

АЮМОВ (*похрустел шейей, чтобы успокоиться, и говорит ров-*

ным голосом). Есть такое шоу по федеральному каналу. «Пропали дети» называется. Его баба ведёт, актриса. В курсе?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*голосом сноба*). Я шоу по телеку не смотрю. Я телек для девчонок купил. Чтобы кино в хорошем качестве.

АЮМОВ. Ну так это шоу та баба ведёт, которая жену киллера играла. Слепую, помнишь? Которая всех потом застрелила. Ну врубаешься? «Жену киллера» видел, кино старое?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Не, тут я не копенгаген. Девчонки, наверно, видели. Спрошу...

АЮМОВ (*вздыхнул*). Как ты так работаешь, Гена?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Нормально работаю, товарищ полковник, нормально.

АЮМОВ (*с ненавистью*). Так эта баба... Ей лет сейчас уже за тридцатник. Теперь о пропавших детях по федеральному каналу врёт. С президентом за ручку держалась, Олимпиаду открывала...

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*дипломатично*). Ну это, знаешь... ничего страшного... Закон не запрещает.

АЮМОВ. Коттедж стоит опечатанный на нашей земле.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*напоминает*). На моей земле. На моей! Ты теперь в столице живёшь, ты теперь далеко.

АЮМОВ. Да, я далеко. Моё дело предупредить коллегу, который «не копенгаген». В этом доме детей убивали, если ты не в курсе.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*в тягостном недоумении*). Каких детей, collega?

АЮМОВ. А вот девушка в анонсе пообещала, что расскажет, каких детей. С места происшествия расскажет. На камеру.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(начинает по-настоящему просыпаться)*. Да кто её в дом пропустит? Там коттеджный посёлок. Там охрана своя, все дела.

АЮМОВ. Вот охрана и пустит. За пару зелёных бумажек. Или охрана мзду не берёт?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(уныло)*. Выходной день у меня. Единственный... Мне семья не простит...

АЮМОВ. Это не аргумент. У меня вот нет семьи. Зато я полковник. Думай, коллега.

АЮМОВ нажимает сброс и медленно прячет телефон в карман пальто.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ пропал. АЮМОВ глядит на сцену. В холле коттеджа полумрак.

АЮМОВ. Мальчика оставили дома, телевизор смотреть... Девчонка пропала много раньше. Ночью открыла дверь и ушла... Тоже зима была, на дороге снегу по колено, шоссе тогда никто не чистил. Через два часа следов уже не осталось... *(Голос полковника АЮМОВА постепенно приобретает серьёз и пафос, подходящий к сказанному.)* Те из вас, кто равнодушен, могут содействовать розыску посредством банковского счёта, который виден на экране. Наша программа не раскрывает свои источники информации. Это шоу «Пропали дети». С вами была Даша Хаустова... *(Крутанул головой и повторил с нехорошей усмешкой.)* Вот тварь! *(Прошёл вдоль рампы и тоже пропал.)*

Холл дома заливает из окна ровный белый свет, какой бывает зимой, за городом, утром.

Вещи по холлу разбросаны в беспорядке, словно здесь произошло нечто не вполне вписывающееся в каноны приличия. Тяжёлый гобеленовый диван сдвинут с места косо и неровно накрыт покрывалом. Подушка валяется на полу, плед скомкан

на спинке кресла-качалки. Кроме того, на полу возле ножки торшера лежат пиджак и футболка, а по всему полу и даже на ступеньках лестницы, ведущей к двери на втором этаже, во множестве стоят или опрокинутые лежат двухлитровые бутылки с лимонадом.

Телефонный рингтон играет всё ту же «Песенку Мамонтёнка», но уже не электронными нотками, а бессмертным голосом Клары Румяновой. Глухо и невнятно, как из-под подушки.

Ведь так не бывает на свете, Чтоб были потеряны дети...

После десяти секунд музыки на диване шевелится плед, и ЯРОСЛАВ ЯРЫГИН высовывает из-под него сначала руки, потом голову. Медленно, болезненно его вертит, определяя направление звуков. Звуки доносятся из лежащего на полу пиджака. ЯРИК с неохотой выползает из-под одеяла, на нём застегнутые брюки с расстёгнутым ремнём, а выше пояса он вообще голый, и ему холодно. Он дотягивается до пиджака и тянет к себе. Телефон перестаёт звонить. ЯРИК ругается беззвучно — не из скромности, а потому что охрип. Первым делом он нашаривает во внутреннем кармане пиджака початую коньячную фляжку, свинтив пробку, делает расчётливый похмельный глоток. Потом тупо смотрит на телефон и, сказав «Ё-о!», набирает номер.

ЯРИК (*голос слегка прорезался*). Ну здесь я. Чего выключаю? Это не я выключаю, это батарея дохлая. Нет, сегодня мимо... Не будет меня... Сегодня — совсем. Нет, техосмотр не успел, меня тормознули вчера... Ну сегодня поеду... После обеда... Да я не пьяный, я больной... Блин, а чего сделать могу? Вчера к ночи заказ: коробка коньяку, десять лимонада, конфеты ещё... На выезде и тормознули... Да, не в городе. Не-вго-ро-де! Ну да, с бабами на природе, прям на снегу, туда-сюда, ага! Не веришь ты мне — значит, не веришь, чего сделаю-то? (*Накидывает на плечи пиджак.*) Щас батарея сдохнет всё равно...

Туповато пялится на экран, пару раз инстинктивно прокручивает ленту новостей, вспоминает о необходимости беречь заряд и прячет телефон во внутренний карман пиджака. Подумав, делает ещё два глотка из фляжки. Присмотрелся

к дивану, стянул один плед, другой. Никого не обнаружил, зато нашёл ещё один телефон, вернее, даже айфон — дорогой, красивый. Осторожно, с уважительным поспивстом, осмотрел и тоже положил в карман. Огляделся, пытаюсь понять, кто живёт в доме. Заметил дверь в умывалку. Подошел, стукнул ладонью по стеклу.

ЯРИК. Па-адъём! Хватит дрыхнуть в сортире! Другим тоже надо! *(Телефон в его кармане поёт снова. ЯРИК подумал, ответить ли, — ответил.)* Ну?! Я вешаю трубку, потому что когда этот детсад начинается: «верю — не верю...» Да, я правду говорю — на природе! Нет, не на снегу, а на даче. Не помню, чья! Коробку коньяку привёз, мне тоже налили, ещё и осталось. Вроде бы далеко, кэмэ двадцать от города вроде бы... По шоссе... Какая деревня, ты чё, тут такой домина! А хрен знает! Депутат, наверно, или актёр, или бандит... *(По лесенке поднялся к двери кабинета и подёргал ручку.)* Никого не видел, только в ванной кто-то трётся... Ну, наверно, да... *(Хохотнул.)* Ну, наверно, красивая. Овцы все красивые после коньяку. *(На матовой двери в умывалку становится виден женский силуэт. Девушка поправляет волосы, остановившись перед зеркалом. ЯРИК, не замечая этого, ногой подгрёб к себе бутылку зелёного лимонада и валяющуюся тут же упаковку пластиковых стаканчиков. Поставил один прямо на пол, откупорил бутылку, налил. Попробовал выпить, скривился.)* Да я реально больной! Слушай, но живут ведь, уроды! У них тут хата метров пятьдесят, наверно, или сто — одна комната. У меня правда щас батарея грохнется. Ну, значит, сегодня у нас выходной, ага... Да приеду я в город, приеду, только у меня же ещё... *(отнимает телефон от уха, грустно смотрит на погасший экран и договаривает)* ...техосмотр.

Дверь открывается, на пороге появляется ДАША. Вместо купального халатика на ней довольно помятое, но приведённое в божеский вид вечернее платье, и нет туфель. ЯРИК, хотя и слышит, что кто-то появился в холле, на неё не оглядывается. Старается говорить как ни в чём не бывало, но глаза прячет.

Слушай, у меня батарея только что сдохла в трубе. *(ДАША молчит.)* Не в курсах, тут городской телефон есть? Вот розетку

в стене я вижу, а телефона как-то нема... (ДАША молчит.) Слушай, я правда ни хрена не помню, чего вчера было... Ты извини, если я...

ДАША. А с овцами всегда так. После коньяку.

ЯРИК (*виновато улыбнулся*). Ты слышала, да? Это мне по работе звонили... (*Привычно пожимает плечами.*) Ну извини, ну да, алкаш, да... Ярослав Ярыгин, двадцати пяти лет, алкоголик и мелкий предприниматель... Когда возишь коньяк, не спиться трудно... Вот ты попробуй... А, собственно, чего я сделал-то? Ты из-за меня не спала совсем? Я сильно к тебе приставал, да? (*Всё ещё избегает взглянуть на собеседницу.*)

ДАША. В кресле очень удобно. Плед тёплый. Приставал ты не сильно. Но мерзко.

ЯРИК (*решительно*). А тебя, извини за вопрос, как зовут?

ДАША (*просто*). Даша.

ЯРИК оборачивается, снова говорит «Е-о-о» и трезвеет окончательно.

ЯРИК (*говорит не сразу, сначала пару раз открыл и закрыл рот*). Слушай. Извини.

ДАША. Может, фамилию свою назвать?

ЯРИК (*покорно*). Хаустова. Ты — Даша Хаустова. Ты извини, вообще. Ты классно сыграла. В этом... В этом... Где ты жена киллера и потом ослепла и его убила...

ДАША (*нисколько не польщена*). Спасибо. В «этом» я классно сыграла двенадцать лет назад. Я тогда студенткой была, а ты вообще ещё в школу ходил.

ЯРИК. Нет, ну не в школу! *(Считает в уме.)* Ну да, в школу.

ДАША *(перетряхивает пледы, скомканные на диване, и раздражается ещё больше)*. Нет, ты даже не приставал. Ты прямо-таки лез.

ЯРИК *(обижается быстро, как и все пьющие люди)*. Я же сказал «извини». Головой об стену постучать?

ДАША. Да ты чем хочешь стучи...

ЯРИК *(качается в кресле, критически наблюдая за поисками)*. А, ну да. Куда уж. Меня в сериалах не снимают. Шоу я не веду. Ярик Ярыгин. Предприниматель. Горячительные и прохладительные напитки, доставка... *(Наклонил кресло и тянется к стакану с зелёной жидкостью.)* Башка трещит, и блевать тянет. *(С отвращением выпивает, привычно доликает из бутылки и находит последний, самый обидный аргумент.)* И президент мне руку не пожимал!

ДАША обернулась от дивана, стиснув зубы. И сразу догадалась, куда делся смартфон. Стремительно подходит к креслу и протягивает руку. ЯРИК галантно подает стаканчик с лимонадом. ДАША, ни секунды не помедлив, выплёскивает лимонад ему на лицо и на живот под распахнутым пиджаком.

ДАША *(непререкаемым тоном)*. Айфон. Который ты у меня украл... Верни сейчас же. *(ЯРИК послушно отдаёт требуемое.)* Спасибо. Сортир и умыться — там.

На этот раз, вместо того чтобы оскорбиться ещё больше, ЯРИК развеселился. Потёр щёки мокрыми ладонями, делая вид, что тщательно умывается, иронично ворча.

ЯРИК. Ой, украли... Ой, ограбили... Ты его в кровати забыла, я на нём задницей спал, и чтобы не раздавить твоё самое драгоценное, положил в карман... Но нет — я украл у бедной девочки ириску! Вот я — вот у тебя... Я за месяц заработаю столько,

сколько ты за два часа с микрофоном во рту... Но это я украл...
Давай, вызывай ментов...

ДАША *(чтобы перебить этот поток пьяной болтовни)*. Ты жлоб... Ты просто жлоб... Ты просто понять не можешь, сколько раз я всё это слышала. Что пожимала руку президенту. Что президент начал войну. Что зарабатываю громадные деньги на пропавших детях...

ЯРИК. Сто-оп, не на-адо! Про войну я не говорил! Войну он начал правильно, да и не он начал! Руку он тебе жал на Олимпиаде. Я её смотрел, я это видел, ты там флаг несла! А нас потом в эту Олимпиаду мордой тыкали...

ДАША *(так удивлена, что даже перестала злиться)*. Кого?

СЛАВКИ. ...как кошек помойных! *(Снисходительно.)* Нас! Спортсменов наших.

ДАША. А ты ещё и спортсмен?

ЯРИК *(напрочь не уловив чужой иронии)*. А я считаю, что мужчина должен заниматься спортом.

ДАША *(устала слушать бред)*. Значит, так. Сейчас ты умоешься. Закроешь дом. Отвезёшь меня в город и будешь при этом молчать. И — где мои туфли?

ЯРИК не слушает, заинтересовался чем-то в окне. Дошёл нетвёрдыми шагами и уцепился рукой за оконный переплёт. Белый свет, отражённый снегом, всё ярче.

ЯРИК *(с презрительным недоверием)*. Ты всё-таки вызвала?

ДАША. Туфли! Я тебя спросила, где мои туфли!

ЯРИК. Да хрен с ними, с туфлями... Там *(указывает рукой)* шоссе и дорожка со шлагбаумом. За ним — машина ментовская. Сюда прётся хмырь какой-то. *(Вот теперь возмущился.)* Ты правда вызвала ментов? Что я тебя обокрал? И изнасиловал?

ДАША стремительно подбежала и заглянула через плечо ЯРИКА. ЯРИК прав.

ДАША *(быстро и тихо)*. Я не хочу, чтобы кто-то узнал, что я провела с тобой ночь на этой долбаной даче.

ЯРИК *(пожал плечами)*. Тогда свет не включай. Дом пустой типа. Постоят, постучат и уйдут.

ДАША. Нет, ты не понял. Я никого не вызывала, и ты, по-моему, тоже. Это специально, чтобы скандал был.

ЯРИК *(непонятливо)*. С кем скандал? *(Поскольку ДАША не ответила, задумался и расхохотался.)* Интернет взорван! Известную киноактрису и благотворительницу Хаустову менты застукали в чужом доме в обнимку с двадцатипятилетним алкашом! *(Тянет за плечи.)* Это называется связался чёрт с младенцем!

ДАША *(брезгливо сбрасывает его руку)*. Ты липкий. Иди мыться.

ЯРИК *(даже мимолётный физический контакт его приободрил)*. Вот когда ты играла киллера... То есть жену киллера... *(ДАША смотрит на него в упор, и охота к светской беседе у ЯРИКА проходит. Он плетётся к стеклянной двери, рассудительно бормочет.)* Базара нет — мыться. Хотя не вижу, чего бы тебе не провести ночь на своей долбаной даче?

ДАША *(указав ему вслед айфоном)*. Это твоя дача!

ЯРИК *(пожав плечами, повторяет)*. Базара нет. Это моя дача... *(Покорно скрывается в ванной.)*

ДАША пытается позвонить по айфону. Поднимает его над головой, пытается поймать сеть, — видимо, безуспешно. Тогда она подходит к торшеру и включает свет, отчего становится ненамного светлее, и тут же за окном хрустит снег и ласково тилибомкает дверной звонок. ДАША отпирает дверь.
ВОЙЦЕХОВСКИЙ в зимнем пальто и меховой шапке. На улице довольно холодно, а внутри довольно жарко, поэтому из двери валит пар.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(лезет в карман за удостоверением)*. Старший лейтенант, дознаватель Геннадий Войцеховский. Райот-дел.

ДАША *(предваряя показ документов)*. Да не нужно...

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(только сейчас обратил внимание, что ДАША без обуви)*. Вы, пожалуйста, оденьтесь. Я подожду.

ДАША *(холодно)*. Я одета. Я здесь в гостях. Если вам нужен хозяин дачи, его сейчас тошнит в туалете. Но он скоро выйдет. *(Смотрит с вызовом)*.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Очень хорошо. То есть, конечно, не очень хорошо. Но, знаете, закон не запрещает. *(Топает ногами, чтобы сбить снег)*. Собственно, всего пара вопросов к вам.

ДАША. Я здесь в гостях.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. А это, знаете... Не страшно. *(Достаёт потрёпанный блокнот)*. Вопросы-то чисто формальные: имя, фамилия... Как вас звать-величать?

ДАША. Хаустова.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(доброжелательно)*. А имя-отчество как?

ДАША *(в некотором недоумении)*. Даша Хаустова.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(так же)*. Дарья. Дарья?.. *(Явно ожидает ответа.)*

ДАША *(после короткой паузы, спокойно)*. Дарья Рустемовна Хаустова.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(старательно пишет)*. Работаете? Прописаны?

ДАША *(с некоторым трудом сохраняя спокойствие)*. Прописана. Работаю. Благотворительный фонд «Поиск», в должности президента. Веду программу на федеральном телеканале. Ещё работаю в театре. В настоящее время антрепризные спектакли, четыре наименования, и два репертуарных в двух театрах. Ещё иногда снимаюсь в кино. Через две недели многосерийный фильм «Тень Ангела» выйдет, полюбопытствуйте. Вы что так смотрите на меня?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(косится на её босые ступни)*. Я про вас слышал. Просто несколько иначе вас себе представлял. А в искусстве я не копенгаген, как говорится...

ДАША *(заводясь всё больше)*. Ах, всё-таки слышали? Краем уха? А знаете что, лейтенант? Хотите, я расскажу, как вы сюда попали? Вам позвонили из какой-нибудь жёлтенькой газеты или с телеканала. Попросили узнать, правда ли, что актриса Хаустова провела здесь ночь. И волнует вас сейчас только одно, лейтенант: спросить пятьсот баксов с них за информацию или с меня тысячу за молчание. А должно вас волновать, товарищ лейтенант, не это, а то, как вы будете беседовать на эту тему с моим адвокатом!

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(постукивая авторучкой по бумаге)*. Старший.

ДАША. Что «старший»?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Старший лейтенант. Дарья Рустемовна, вы меня простите великодушно, а документы у вас какие-то при себе имеются?

ДАША (*смотрит на него, как смотрят на того, кто явно издевается*). А так вы мне не верите?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Да вообще-то трудноато поверить. Вот вы говорите, в гостях? (*Снова приоткрывает дверь, впустив ещё порцию тумана. Поскрёб дверь ногтями снаружи и показывает какой-то обрывок.*) А ничего, Дарья Рустемовна, что дом опечатан был? Вот подпись тут и печать. Была...

ДАША резко поворачивается и бежит к стеклянной двери, из-за которой слышен шум текущей в раковину воды. Стучится. Высунулся ЯРИК, в руке у него зубная щётка.

ДАША. Хватит чистить зубы. Другим тоже надо. К тебе тут пара вопросов, у лейтенанта. (*Отстранив ЯРИКА, скрывается в ванной.*)

ЯРИК (*проглотив воду, которая была во рту*). Там полотенцем, которое на краю, не вытирайся!.. (*Как был, со щёткой, подходит к ВОЙЦЕХОВСКОМУ, ждёт вопроса.*)

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*терпеливо*). Вот моё удостоверение.

ЯРИК (*разглядывает, без всякого энтузиазма*). Уголовный розыск?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*махнув рукой с пренебрежительной ухмылкой*). Райотдел. Всего-то.

ЯРИК. Ярыгин Ярослав. Двадцать пять лет. Ранее несудимый.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(дружелюбно улыбнувшись)*. Проживаете здесь?

ЯРИК. Я проживаю в городе. Сюда приехал вчера.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Но это ваш дом?

ЯРИК. Не-а. Её. *(Бесстрастно кивает за плечо.)*

ВОЙЦЕХОВСКИЙ пристально смотрит на него, потом на дверь ванной. Прячет книжку в карман.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Очень хорошо, Ярослав. Значит, вы здесь в гостях и, видимо, на чём-то приехали...

ЯРИК. Вчера вечером. Я товары развожу. *(Подняв голову, объясняет.)* Частная лавочка. Доставка товара. У меня автобус. Ну, «газелька». Напитки, минералка. Вчера привёз сюда. Коробка коньяку. Шампанское, лимонад. Конфеты.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(понимающе)*. День рождения?

ЯРИК *(снова кивает за плечо, заговорщицки)*. Ей же тридцать пять вчера исполнилось!

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Правда?

ЯРИК *(оживлённо)*. А не скажешь, да? Смотрели «Жену киллера»? Ну, где она слепая?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Жена смотрела.

ЯРИК. Девчонка же была! Ну, выглядела как девчонка. Я ещё в школу ходил, когда смотрел, думал, ну девчонка, вот бы познакомиться. А теперь я — вот. А она почти не изменилась, ага? Хотя уже тридцать пять. Возраст Христа...

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(вежливо перебивает.)* Стало быть, вы привезли коньяк?

ЯРИК. Ну коробку, шесть бутылок. И шампанского штук шесть, лимонад вот, видите. *(С некоторым недоумением оглядывает расставленные по полу бутылки.)* Они говорят: давай с нами выпей. Они так довольно часто говорят. Я отвечаю, как всегда: мужики, у меня машина. И тогда она говорит: у меня тоже! Я говорю: твоя машина моей не чета...

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. А какая машина у Дарьи Рустемовны?

ЯРИК *(хрипло хмыкает)*. У неё джип.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. А какой у неё джип? *(ЯРИК не знает.)* А на чём вы с Дарьей Рустемовной поедете в город, на её машине или на вашей?

ЯРИК *(расхохотался)*. Вы что? Даша Хаустова на моей грязной «газельке»?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. А где сейчас машина, на которой вы сюда вчера приехали?

ЯРИК перестаёт смеяться. ВОЙЦЕХОВСКИЙ подходит к стеллажу и снимает с него тряпичную куклу. Смотрит на ЯРИКА в ожидании ответа.

ЯРИК *(с трудом соображает)*. В гараже? Есть же тут, наверное, гараж?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(охотно кивает)*. Гараж есть. Там, за домом. Сейчас поглядим. Где тут ключи у хозяйки? *(Находит на крючке у двери связку ключей. Прежде чем выйти на улицу, добавляет.)* Правда, хозяйка утверждает, что хозяин дачи — вы. Но это, знаете... Закон не запрещает.

Выходит. Слышно, как хрустит снег. ЯРИК стучит в стеклянную дверь.

ЯРИК (*громко*). Это не моя дача! (*ДАША открывает.*) Даш...

ДАША. Этот мент меня не узнал! (*Мрачно смеётся.*) Можешь себе представить?

ЯРИК. Не моя...

ДАША. Нет, то есть реально. «Фамилия?» — Хаустова. «А имя-отчество?» Прикинь?

ЯРИК (*повышает голос, стараясь докричаться до сознания собеседницы*). Даш, ты ему сказала, что это моя дача. А это не моя дача и не твоя! Ты тут вчера ходила с микрофоном, а я бутылки расставлял, лимонад на лестнице. Я пьяный был, но я же помню. Дверь была опечатана, ты сказала «рви», я сорвал. За чем?

ДАША. Здесь пропадали дети. Наша программа не раскрывает источники информации.

ЯРИК. Нет, вот мне это зачем? Я привёз тебе коньяк на день рождения. Потом мы оказались здесь с тобой вдвоём. Можешь мне объяснить, зачем?

ДАША. Я ушла с дня рождения. Решила, что лучше подготовлюсь к завтрашней съёмке. Ты согласился помочь. А кто-то узнал об этом и вызвал мента. Будет скандал. Напишут, что Даша Хаустова поехала на место происшествия с любовником и уснула там пьяная.

ЯРИК. Зачем?

ДАША. Чтобы программу закрыть. Ты не представляешь, сколько людей этого хотят.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ снова возникает на пороге дома в клубах пара. Дверь не прикрывает.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(весело)*. С другой стороны дома правда есть вход в гараж. Только он заперт и два дня по этому снегу никто не ездил. Ни крутой джип, ни старая «газелька».

ДАША. Это называется шантаж...

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Нет, это называется подлог и мошенничество. И очень тупо организованное. Вы с этим юношей пришли сюда и переночевали? Босиком по шоссе? Хотите, я расскажу вам, как было на самом деле? Вас привезли сюда ночью на вашей киносъёмочной машине или как там она называется. Остановились у шлагбаума, чтобы особенно не шуметь. Заплатили охране и вдвоём прошли сюда. Сорвали с дверей печати и зашли в дом. А знаете, зачем вы это сделали? *(Глядит на часы.)* Чтобы утром, вот через час или два, киносъёмочная подъехала уже прямо к дому. И вы скажете на камеру. *(Говорит глухим страшным голосом.)* Этот дом стоит тут пустым уже много лет. Но что это? Здесь кто-то посадил куклу в кресло! Здесь кто-то спал в кровати и помял её! А это что? Кто-то пил лимонад и закусывал конфеткой! И он ещё не выдохся! Пузырьки — шш-чпок! — шш-чпок! Призраки замученных в доме малышей резвятся и просят: дяди и тётки, дайте денег благотворительному фонду! А коньяк вы припасли специально на случай, если припрутся тупые провинциальные менты из райотдела. Чтобы была отмаза. Вы просто день рождения отмечали и дом перепутали.

ЯРИК *(в затянувшейся паузе)*. Говорил я тебе, Даш, свет не включай.

ДАША *(спокойно)*. Заглохни, Ярик, пожалуйста. *(Достаёт айфон, ищет на нём фотографии и протягивает ВОЙЦЕХОВСКОМУ.)* Полистайте пожалуйста, товарищ лейтенант. Старший.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Это кто?

ДАША. Симпатичная девочка, да? Звали Таней. Танечкой. Она однажды взяла и ушла из дома, никому не сказав, куда. Вот её мы успели найти. В чужом городе, в притоне, но живую. А вот дальше, мальчик двенадцать лет. Руслан. Нам сообщили поздно. Его никто по-настоящему не искал. Провинциальные менты не искали. «Не копенгагены»! А в чём ты копенгаген? Может, ты умеешь лечить рак крови? Нет. Ты ничего не умеешь, лейтенант! Для тебя всё просто: «глухарь», и дело закрыто. Денег у самого как у нищего, свою семью накормить не можешь, кредитов полно... А если больница на семьсот мест? А тридцать шесть «потеряшек» найти и домой вернуть? Не копенгаген! Зато умеешь говорить, что «благотворительный фонд», и «Олимпиада», и «президент руку пожимал»...

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*мягко перебивает*). Дарья Рустемовна, на каком основании вы находитесь в опечатанном полицией помещении?

ДАША. Вы этот дом потому и опечатали, что здесь дважды пропадали дети. Тринадцати и двенадцати лет. И не спрашивайте, откуда я это знаю. Наша программа не раскрывает...

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*перебил*). Да вы голову-то включите, Дарья Рустемовна! Если мой коллега полгода назад счёл нужным опечатать дом по поводу давнего преступления, а он счёл, о чём свидетельствует его подпись на бумаге, значит, здесь, в этом доме, находится нечто важное для раскрытия преступления. Нечто такое, что легко уничтожить, если вы тут станете спать, жрать, мыться в душе и играть в бутылочку...

ДАША. А это я обсужу с вашим коллегой.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(сухо)*. Мой коллега находится сейчас далеко и сильно занят. Он работает не в нашем райотделе, а в столичном главке.

ДАША. Тогда я отказываюсь отвечать на любые вопросы.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(восхищённо вытаращив глаза, обратился к ЯРИКУ)*. Нет, ты видел, как она меня? Что ж я делать-то теперь стану? *(Плавным жестом прячет ДАШИН айфон в карман пальто.)*

ЯРИК *(возмущённый наглостью)*. Э! Трубу куда прячешь, лейтенант?! Верни!

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(примирительно)*. Тихо ты, двадцати пяти лет, несудимый... Зачем я её верну, чтобы Дарья Рустемовна меня на видео снимала? Дашенька, лапушка, голову ещё раз включаем! *(Указывает в окошко.)* Машина моя далеко, за шлагбаумом, а туфли вы куда-то спрятали, и босиком по снегу я вас, конечно, не поведу. Давайте так договоримся. Я выеду на шоссе и подожду. В ближайшее время сюда вернётся ваша машина со съёмочной бригадой и адвокатом, правда? Очень хорошо. Только снимать вы тут ничего не станете. Вы обуесться. Сядете в свою машинку. Какая у вас машинка, Дашенька?

ДАША *(машинально)*. «Хайландер Си-ви».

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Вот видите, как славно. На «Хайландере Си-ви» вы всей весёлой компанией доедете до нашего провинциального райотдела, там мы провинциально побеседуем, и я верну вашу замечательную «трубу». Это просто. Это понятно даже жене слепого киллера, которая открывала Олимпиаду. Ключики от дома я на всякий случай заберу, чтобы вы тут не заперлись случайно. Вход в дом с шоссе я увижу. Другого выхода здесь нет? Выхода нет. *(Демонстративно роняет связку*

ключей в карман и перед тем как выйти грозит пальцем.) Старший лейтенант! Старший!

Выходит. ДАША молча смотрит вслед, устало опускается в кресло. Прикрывает глаза.

ДАША. И это всегда так. Всегда так.

ЯРИК *(подражая ранее слышанному)*. Айфон. Который ты украл... Верни сейчас же!

ДАША *(не открывая глаз)*. Жлоб ты, Ярик.

ЯРИК. Ты такая смелая, когда не в кино! Не, я просто не понимаю, вот как теперь? У меня батарея сдохла, ты свою трубу отдала. Как ты будешь звонить президенту? Да хрен с ним, с президентом, как ты адвокату своему будешь звонить? *(Смотрит на ДАШУ. Та качается в кресле, а из-под опущенных ресниц текут слёзы.)* Э! Ты чего там? *(Подумав, вытаскивает фляжку коньяка, отвинчивает крышку и предлагает.)* Хочешь?

ДАША *(взглянула из-под ресниц и шепчет)*. Ты жлоб и быдло... И он такой же жлоб...

ЯРИК пожал плечами, отпил из фляжки.

ДАША *(всхлипывает)*. «Голову включи...» Ненавижу эти слова. Ненавижу... Вы так и живёте — протокол, техосмотр, заказ, свадьба, похороны. Вы даже никогда не хотели что-то в жизни сделать, вы даже не знаете, как это! Вы живёте как надо, как полагается. И чего это стоит — просто сделать — не знаете. Вы думаете — ей повезло. Вы думаете — у неё адвокаты, она с режиссёром спала, она с президентом дружит, у неё джип-хайландер, она на Олимпиаде флаг несла. И все вы точно знаете — она врёт! Газеты в метро читаете и снова — она врёт, она деньги гребёт, она на джипе рассекает.

Ох, господи, ты, дура продажная, ну о чём нам с тобой говорить?!

ЯРИК устал слушать. Дошёл до стеллажа, заметил валяющегося в пыли на нижней полке медведя Тедди, вытащил, отряхнул. Поскольку ДАША продолжает плакать, поднялся по лестнице. Подёргал запертую дверь, сел на ступеньки, отпил из фляжки, предложил медведю.

Ты на ночной съёмке бывал, десять часов подряд? Ты в больнице был, ты в морге был? А деньги, на больницу, на программу, на фонд. Думаешь, это из моего кармана деньги? Это их деньги! Этих, которым я руки пожимаю. Один кабинет, другой. Здравствуйте, Даша, мы помним, как ты жену киллера сыграла, когда молодая была. Он мне денег даст, а потом в тюрьму сядет, а потом убьёт кого-то. И в газете напишут снова: Хаустова с ним пила, он Хаустовой машину подарил. Это же болото, ты же не знаешь, какое это болото. Но зато — больница на семьсот коек! Но зато — тридцать шесть найденных живыми детей! И вот приходит мент, убогий мент из райотдела, и он как меня зовут не помнит, но что я всегда вру, это он, конечно, знает. Что я на чужой беде себе имя делаю... Да, у меня есть имя! У вас нет, а у меня есть! Я — Даша Хаустова!

ЯРИК взял медведя за шкуру и заставил шагать по ступенькам лестницы вниз.

ЯРИК (*ворчливым медвежьим голосом*). У нас нет имени... Мы быдло... Правда-правда... Мы все тупое быдло и жлобы... А ты не быдло, ты Даша Хаустова, у тебя имя есть... Но когда мы совсем обыдлимся, мы к тебе придём и тебя тоже всю обыдлим...

ДАША (*перестала плакать, смотрит, как подходит медведь*). Он просто забрал, ты видел? Просто взял и в карман положил, ты видел?

ЯРИК. Так ты ж ему сама дала... В хорошем смысле.

ДАША. Он думает, что я вру. А раз я всегда вру, то со мной можно вот так: «Голову включи».

ЯРИК (*голосом медведя*). А ты что, разве не врёшь?

ДАША (*шмыгнула носом*). Ну не всегда же... Это что, и есть плюшевый медведь?

ЯРИК (*снова подходит к окну*). «Что-то в жизни сделать...» (*Ухмыляется*.) Нет, ты права, конечно. Просто мне папаня так в своё время говорил. (*Сажает медведя на подоконник и трясёт кулаком перед его носом*.) «Ты, Славка, в натуре, в жизни чего-то сделать хочешь? Или ты ничего не хочешь?» Мне десять лет, да? Я мультики смотрю, и кино про киллеров. «Славка, тебе ничего в жизни не надо? Ты, в натуре, из этого дерьма вылезти не хочешь?» Мне десять лет!!! Я тупо хочу лимонада, я хочу, чтобы было много холодного вкусного лимонада! Чтобы он синий был! Его почему-то синий не делают, я теперь специалист, я разбираюсь. Я «Кюрасао» не люблю — хрень этот ваш «Кюрасао», хрень голубая. А я хочу, чтобы синий, вкусный и холодный. «Нет, ты мне скажи, Славка, кем ты хочешь быть!» Бандосом я хочу быть, папаня! Бандосом, таким как ты — челюсть вперёд, затылок бритый и цепь на шее в палец толщиной. Ну, так ему и сказал. (*Снова усмехается, трёт затылок*.) А он не бандос был, он водила был. У него просто имидж такой.

ДАША. Я не врала. В этом доме пропадали люди.

ЯРИК (*помедлив*). С чего ты взяла? Старший лейтенант же сказал...

ДАША (*упрямо*). Значит, он не знает. Значит, это было давно. Но было. Наша программа не раскрывает источники...

ЯРИК (*только рукой махнул*). Нет, в натуре, лучше бы я на техосмотр сегодня поехал. (*Медведю, сидящему на подоконнике*.)

Да, товарищ старший лейтенант. Огнетушитель — а как же. Аптечка — с нашим удовольствием. А это глушак. Вы видели какой у нас глушак? А вы поглядите...

Через голову медведя взгляделся в окно. Всё ближе шум мотора.

ЯРИК (*удивлённо*). Уже? Хотя нет. Это не мент. Это джип чёрный. Твой?

ДАША. У меня «Хайландер Си-ви».

ЯРИК. Я помню. Но ты же всегда врёшь.

Хлопает дверца машины. Хрустит снег под быстрыми шагами.

ЯРИК (*одобрительно*). Ничё так дядхан. Это ваш адвокат с телеканала?

ДАША. Нет. Я его не знаю.

Уличная дверь открывается без стука. На пороге ПОЛКОВНИК АЮМОВ. В руках чёрная кожаная папка. Он притоптывает ногами по коврику, одновременно стаскивая перчатки.

АЮМОВ (*энергично*). Здравствуйте, люди!

ЯРИК. И вам не хворать.

АЮМОВ (*привычным жестом извлёк удостоверение*). Добре. Полковник Аюмов. Из Москвы. Ехать пришлось долго, так что временем почти не располагаю. Дарья Рустемовна Хаустова, очевидно? (*Коротким жестом, как мужчине-приятелю, протянул руку.*)

ДАША. Да, я. Здравствуйте. Это ваша подпись там?

АЮМОВ. На печатях, которые вы сорвали? Да, моя. Но вы на счёт этого не беспокойтесь, Дарья Рустемовна. Ясное дело, что вы не в игрушки играете.

ДАША. Я просто хочу что-то сделать...

АЮМОВ. Я тоже, но времени действительно мало. Поэтому, если вы не против, задавать вопросы буду всё-таки я. *(Улыбнулся располагаяще.)* И первый — самый простой. Вы раздаёте автографы поклонникам?

ДАША. Ну не всегда... Да...

АЮМОВ *(извлекая из папки чистый лист)*. Согласен простить вам небрежное обращение с моей подписью — в обмен на вашу. Поклонники — это моя семья. Сам я, увы, фильмов ваших не видел, не ими и восхищаюсь. Но семья не простит, коли упущу такой случай.

ЯРИК. Дарья, не подписывай.

АЮМОВ *(с лёгкой иронией)*. Дарья Рустемовна, это ваш адвокат? Совет грамотный. Надо бы распечатать ваш портрет, но не нашёл цветного принтера. *(Перестал улыбаться.)* Добре, обойдутся мои домашние...

ДАША. Это не адвокат. Это никто.

ДАША расписывается на листе бумаги. АЮМОВ прячет его в папку и тут же достаёт другой, с распечатанным текстом.

АЮМОВ. Благодарствую. Теперь, если вы не против, к сути. По долгу службы я, вообще-то, должен в настоящий момент спокойно ехать по Ростовской трассе. А вместо этого я гнал сюда, затратив всю ночь. Вы, наверное, догадываетесь, что не автографа ради.

ДАША (*разглядела на перевёрнутом листе*). Это мой текст?

АЮМОВ. Да, это текст рекламы вашего следующего выпуска...

ДАША. Анонс...

ЯРИК (*значительно поднимает палец*). Анонс!

ДАША (*АЮМОВУ, нервно*). Может, мы поговорим где-то вдвоём?

АЮМОВ (*с сомнением косится на второй этаж*). Там, кажется, заперто. Добре, значит, телевизионный анонс вашей передачи. (*Читает вслух с купюрами.*) «Это программа „Пропали дети“... Этот дом стоит в двадцати километрах от города... Не раз становился местом происшествия... Все дети были найдены, кроме...» И — вот досюда: «Наша программа не раскрывает источников...» (*Поглядел на ДАШУ.*) Так вот, Дарья Рустемовна, мне нужно, чтобы вы, в порядке исключения, раскрыли эти источники.

ДАША (*колеблется, но всё-таки говорит*). Я получила сообщение на телефон. Там не было подписи. Там говорилось...

АЮМОВ (*перебивает*). Что говорилось, важно не столь. Разрешите взглянуть на ваш телефон. Мне нужен номер, с которого вам прислали сообщение. Только номер. Остальное я узнаю сам.

ДАША. Телефона у меня нет.

АЮМОВ (*укоризненно*). Дарья Рустемовна...

ЯРИК (*вмешивается*). Дарья никогда не врёт! Телефон у неё украл какой-то мент из вашего райотдела. Прошу прощения, сотрудник Эм-Вэ-Дэ. Он старший лейтенант, и зовут его Гена. Крокодил.

АЮМОВ (*задумчиво, но без всякого раздражения*). Старший лейтенант Геннадий Войцеховский. Коллега из провинции. Добре. Был тут?

ЯРИК. За полчаса до вас. Так он сказал, что она всё врёт. Что тут никого не убивали.

АЮМОВ (*быстро подсчитывая в уме какие-то варианты*). Он просто не в курсе. Данное дело не находится в компетенции райотдела. Уж вы-то, Дарья Рустемовна, это понимаете.

ДАША (*недоверчиво*). Вы хотите сказать?..

АЮМОВ (*горько усмехается*). Даже вы не верите. Даже вы! Дети просто ушли из дома, верно? Поругались с родителями из-за какой-то ерунды. Вышли зимой на шоссе. Мир не без добрых людей, кто-то подобрал их, спросил, куда едут. Дети и сами не знали куда, говорили первое, что придёт в голову. Но не доехав до адреса, они зачем-то выходили из автомобиля. И добрые люди оставляли их на зимней дороге. И никто даже не вспомнил потом, что подвозил ребёнка, который зачем-то сошёл с дороги. Кого-то нашли под мостом на льду. Кого-то на заброшенной скотной ферме. Но повреждений на трупах не было! Дети просто ушли в этот белый снег и там пропали, погибли от холода, потому что были глупые и домой дорогу не отыскали, как в страшных сказках. И когда вы, Дарья Рустемовна, ругаете за нерадивость тупых провинциальных ментов, вы не за то их ругаете. Вас ведь волнуют куда более серьёзные вещи. Вас волнует, что нет понимания между поколениями. Что власть глуха к голосу артиста и чтобы достучаться до неё, нужно совершить парочку милых, ни к чему ни обязывающих подлостей. Ещё вас волнует, что поколение, выросшее на вашем прекрасном фильме про слепую киллершу, выросло какое-то неказистое, воняет палёным коньяком (*указывает на ЯРИКА*), но эти волнения вы держите при себе, Дарья Рустемовна.

ЯРИК (с достоинством). Нормальный коньяк!

АЮМОВ. И никто не пытался узнать, что за добрый человек тормозил машину на зимнем шоссе. Единственная девчонка, которую вы успели спасти, наверняка запомнила его лицо, его автомобиль, но вам спросить об этом не пришло в голову. Вам надо мелодраму, шоу телевизионное надо! Вам нужно, чтобы истина была где-то рядом, а зло, с которым вы боретесь, — уютное, покладистое, оно вполне подождёт, пока вы снимаетесь в картине или отдыхаете на Бали.

ДАША. Я спрашивала её! Вы плохо смотрели мои передачи! Она ничего не запомнила!

АЮМОВ. Я и не подумаю их смотреть. У нас с вами разная сфера интересов. Вас волнует, почему дети ушли из дома. А меня — почему они домой так и не вернулись.

ДАША. Я не понимаю вас.

АЮМОВ (напрямик). Вас кто-нибудь похищал, Дарья Рустемовна? Вот так в детстве. Был когда-нибудь случай, чтобы вы обиделись и ушли из дома, и вас подобрал незнакомый мужчина на заснеженном шоссе?

ДАША. Я выросла в достаточно благополучной семье...

АЮМОВ. Добре. А где вы находились, когда умер ваш отец?

ДАША. Я...

АЮМОВ. Вы находились на Олимпиаде. Вы несли большой Олимпийский флаг, пожимали руку президенту и давали интервью. В частности, о том, как вам нелегко пережить эту скорбную весть и как вы добились такого жизненного успеха...

ЯРИК. Слушайте, вы по ходу и права такого не имеете...

АЮМОВ. Ярослав Арсентьевич Ярыгин, двадцати пяти лет, частный предприниматель... Где вы находились, когда умер ваш отец?

ЯРИК *(вскочил с подоконника)*. Да мы пять лет не виделись до того! Да он пил по-чёрному! *(Шагает к АЮМОВУ, и тот, будто ждал этого, извлекает из пальто пистолет.)*

АЮМОВ *(буднично и даже устало)*. Вот именно. Сядь, тварь. *(Указывает пистолетом на кресло, потом ДАШЕ — на диван.)* И ты — тоже. Добре.

ДАША садится медленно, стараясь не делать резких движений.

ДАША. Моя съёмочная группа знает, где я нахожусь. Они должны приехать сюда в ближайший час. Мы просто готовили съёмочную площадку....

АЮМОВ *(негромко)*. Не о том вы опять, Дарья Рустемовна. Ну приедут они. Ну увидят вас на съёмочной площадке, мёртвую, ну удивятся. Ну даже снимут вас на камеру, наверное. Шоу маст гоу он, если вы не в курсе, известная актриса погибла при загадочных обстоятельствах. Про меня тоже прекрасно знают, где я нахожусь. В данный момент качу в командировку по Ростовской трассе.

ЯРИК. Даш, им чего-то надо от тебя. Тот, значит, добрый был мент, а этот злой, и сейчас он нас напугает до поносу и...

Пытается кинуться на АЮМОВА, но тот безо всякого труда встречает его ударом рукояткой пистолета в голову. ЯРИК валится на палас. АЮМОВ достаёт наручники, за руку волочит ЯРИКА к ступенькам и приковывает его запястье к лестничной балясине.

АЮМОВ. Злой мент. Очень злой. Злой мент задаст вам один простой вопрос и хотел бы услышать ответ. Лучше без обычного вранья, Дарья Рустемовна Хаустова, тридцати пяти лет, актриса, президент благотворительного фонда, ведущая телевиденья. Всё так?

ДАША. Совершенно верно.

АЮМОВ (*достал из папки ещё одну бумагу*). Цитирую. Мальчика оставили дома одного, телевизор смотреть. Было уже поздно, но попробуйте загнать в кровать тринадцатилетнего подростка. Девочке было двенадцать... Может, она решила попроситься со своим детством... Потому что в руках она держала куклу...

ДАША. Плюшевого медведя.

АЮМОВ. Простите великодушно. (*Взяв с подоконника медведя, АЮМОВ швыряет им в ДАШУ. Та ловит игрушку и прижимает к себе.*) Девочке было двенадцать?

ДАША кивает.

АЮМОВ (*почти ласково*). Значит, девочке было двенадцать, когда она попросилась со своим детством. Для этого иногда достаточно пустяка. Что такого натворил ваш отец, ваш благополучный, добрый интеллигентный отец... Он вас ударил? Или — страшно сказать...

ДАША отчаянно мотает головой.

АЮМОВ (*добродушно*). Ну конечно же, нет. Двенадцатилетняя девочка просто сказала отцу, что она передумала быть врачом. Она хочет стать актрисой. Потому что актриса — это гораздо интереснее, а людей тоже может спасать. И отец просто в сотый раз произнёс...

ДАША (эхом). «Дашка, голову включи».

АЮМОВ (торжествующе). И всё! И с этого момента ты уже не Дашка, а Дарья Рустемовна Хаустова. И было много труда. И большая работа и учёба, и роль жены киллера, и больница на семьсот коек, и рукопожатие президента, и война! И ваш отец, конечно, гордился своей дочерью, так же как и все остальные! Делал вид, что чем-то старый пень вечно недоволен, но на самом-то деле — конечно, да! (Присаживается рядом с ворочающимся у балясины ЯРИКОМ и хрипло зовёт.) «Славка, тебе ничего в жизни не надо? Ты в натуре из этого дерьма вылезти не хочешь? Нет, ты скажи мне, кем ты хочешь в этой жизни стать!»

ЯРИК. Бандосом. Вот как ты. (Жмурится от оплеухи.)

АЮМОВ. Ну правда! Что ж за хрень? Тебе тринадцать, ты всё ждёшь, чтоб дома остаться, и про жену киллера фильм посмотреть, где она такая слепая, и такая классная, когда голая. А тебе тут папаня про дерьмо, про профессию втюхивает. Кончилось детство, Славка, кончилось с этим подзатыльником. И как папа ни старался, всё впустую. Армию откосить — это он заплатил. И грузовичок, уже не игрушечный — папа напрягся и оплатил, чтоб сын — по стопам. Чтобы трудовая шофёрская династия. Он уже тогда пил по-чёрному. Зачем частному предпринимателю Ярославу Ярыгину отец-алкаш? (Поднимается по лестнице, дёргает ручку кабинета. Заперто. Медленно спускается обратно на первый этаж.) Дети не пропали. Дети ушли. Сами ушли. Выросли. Живы. Здоровы. Счастливы. А представьте, какой кошмар, если бы мальчик в тринадцать лет и девочка в двенадцать, поругавшись с родителями, встали бы и обиженно вышли за дверь загородного дома. Дошли бы до шоссе, сами не зная, куда идут. И какой-то человек в попутном автомобиле, согласился бы их подвезти, отлично понимая, что идти этим детям некуда. Потому что детство их всё равно кончилось.

ЯРИК *(шепеляво)*. Вам туда зачем?

АЮМОВ *замер, не доходя до последней ступеньки.*

Вот эта дверь наверху? Вам туда зачем-то нужно? Так ваш коллега там уже побывал. У него ключи от всего дома оказались при себе.

АЮМОВ *(резко)*. Что он там делал?

ЯРИК. Я не знаю. Зашёл, дверь изнутри закрыл и пропал. Кажется, в доме есть второй выход. Там, где гараж.

АЮМОВ *(поглядел сначала на часы, потом на ЯРИКА и уткнув-шую лицо в ладони ДАШУ)*. Добре...

Выбежал наружу, не закрыв дверь. С улицы валит пар. Слышен хруст снега под ногами АЮМОВА. ЯРИК первым делом выволок свободной рукой фляжку с недопитым коньяком из пиджачного кармана. Говорит при этом решительно, твёрдо.

ЯРИК. Дашка! Беги до шлагбаума! Там охрана, там этот мент из райотдела! Кричи, зови его! Полковник не станет стрелять днём в посёлке...

ДАША. Откуда он всё про нас знает?

ЯРИК *(поспешно допил коньяк и закашлялся)*. Ты идиотка или нет? Тебе не всё равно? Это ведь не твой отец? И не мой. Это какая-то падла с вольной и ксивой, он сейчас вернётся и нас обоих грохнет — какая разница, зачем ему это надо! Ну что ты сидишь, дура? Дверь хотя бы захлопни!

ДАША словно через силу поднимается, чтобы подойти к двери. Но не успевает. АЮМОВ возвращается и прямо с порога наводит пистолет на ЯРИКА.

АЮМОВ. Чья машина стоит в гараже?

ЯРИК *(поспешно, даже с какой-то подлостью в голосе)*. Это вот её машина.

ДАША запоздало кидается к двери, АЮМОВ ловит её свободной рукой и, оставив пистолет в сторону, волочит ДАШУ вглубь холла. ЯРИК, рванувшись на всю длину цепочки наручников, достаёт его по руке бутылкой из-под коньяка. Попал. Пистолет летит в сторону, АЮМОВ рычит от боли, вцепившись в запястье. ЯРИК бьёт его бутылкой в лицо. АЮМОВ отшатнулся, едва не упал, но удержался на ногах, вцепился в ЯРИКА, тот выронил бутылку. Мужчины возятся возле лестницы. ДАША подбирает пустую бутылку. Ударил по голове АЮМОВА, и коньячная фляжка наконец-то разлетелась вдребезги. АЮМОВ покачнулся и сполз на пол.

ЯРИК *(азартно копошится рядом с упавшим)*. Ствол, Дашка! Ствол подбери! И ключи от наручников. В правом кармане. И поднимайся наверх! Быстро наверх, я сказал!

ЯРИК успевает освободить свою руку и на её место приковать запястье упавшего АЮМОВА. Теперь полковник МВД прикован к балясине своим же спецсредством. ЯРИК следом за ДАШЕЙ взбегает по лестнице и так же, как она, останавливается перед полупрозрачной дверью кабинета. Там горит свет. На молочно-белом стекле двери видны силуэтами торшер, два кресла перед старомодным телевизором с усатой антенной. И в одном из кресел кто-то сидит. Вот он не спеша поднялся. Подошел к двери. Отпер. Это ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Он без пальто, в том же самом кардигане, что и в прологе, галстука тоже нет. Как будто сыщик вернулся домой и отдыхает после трудного рабочего дня.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(громко, но спокойно)*. Тут есть второй выход! Машина в гараже стоит моя. С самого утра она там. Ярослав Арсентьевич. Ключ от наручников коллеги отдайте.

Протянул руку и дождался, пока ЯРИК вернёт ему ключи, а ДАША вручит пистолет. АЮМОВ возится внизу, силясь подняться на ноги.

АЮМОВ *(невнятно хрипит пересошим горлом)*. Вот твари!

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(склонился над перилами)*. Коллега из столицы?

АЮМОВ *(задирает голову, чтобы убедиться, что правильно узнал голос того, кто стоит наверху)*. Коллега из провинции?

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(гостеприимно)*. Ярослав Арсентьевич. Дарья Рустемовна. Оставайтесь, пожалуйста, в кабинете до приезда опергруппы. Можете телевизор посмотреть, если хотите. Лимонаду выпейте. Нам с полковником потолковать надобно.

ДАША *(не очень уверенно)*. Я хочу послушать, что он скажет. Я — Даша Хаустова.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ посмотрел ей прямо в глаза. И вдруг погладил по голове, как ребёнка.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ. А это, знаете... Ничего.

ЯРИК *(зовёт)*. Даш...

ЯРИК и ДАША скрылись в кабинете. ВОЙЦЕХОВСКИЙ медленно спускается по лестнице.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ *(словно бы продолжая начатый разговор)*. Я ей говорю: «Дашка, ты голову-то включи. Ну какая из тебя звезда экрана?» Обижается. Доказать чего-то хочет.

Кинул ключи АЮМОВУ. Тот снял наручники, пихнул в карман, лишь потом поднялся на ноги.

АЮМОВ. Да им не надо ничего вообще! Спрашиваю: «Кем ты

быть хочешь? Хочешь всю жизнь за баранкой торчать и водку жрать, как папа твой?» Да, говорит, хочу как папа.

В кабинете включили телевизор. Слышится электронная музыка, потом приглушённый, но очень жизнерадостный голос из мультика:

— Однажды... Далеко-далеко на севере случилось удивительное чудо...

ДАША и ЯРИК снова выходят из кабинета. На них та же одежда, но выглядят они по-другому. В их глазах нет больше ни усталости, ни тревоги. В руках стеклянные стаканы с искристым лимонадом. Ярко-синего цвета.

ДАША (*досадливо и игриво, как умеют только школьницы*). Сейчас спать погонят... Всегда так.

ЯРИК. Твои — тоже?

ДАША. Ха! У меня такой папаня. Не твоему папане чета.

ЯРИК. Жлоб?

ДАША. Интеллигент. Зануда.

ЯРИК. Достало.

ДАША. Это, знаешь... Ничего! Ещё лет пять, и я сама буду решать, когда спать ложиться.

ЯРИК. Базара нет. У тебя будет свой дом. Навороченный телефон. Семья. Дети.

ДАША. Это попозже. Сначала я буду играть в кино. Меня станут узнавать на улице. А ещё я буду вести программу на телевиденье. «С вами была Даша Хаустова...»

ЯРИК (*тоже не лыком шит*). А я буду бизнесмен. У меня будет машина, и я страну приезжать к тебе на телестудию и пить там с тобой коньяк до утра. Законом не запрещено. И тогда уж никто нас не загонит в кровать.

ДАША (*поправила*). Шампанское.

ЯРИК. Добре. Шампанское.

Оба возвращаются в кабинет на втором этаже и садятся перед телевизором. Внизу АЮМОВ присел на подоконник, ВОЙЦЕХОВСКИЙ ходит по холлу. У него в кармане играет рингтон. У АЮМОВА — тоже. Оба почти одновременно отвечают на звонок.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*дежурным тоном, как произносят позывные*). Пропали дети.

АЮМОВ (*отвечая на вопрос, заданный по телефону*). Пропали дети.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ (*безнадёжно кивнув*). Пропали дети

АЮМОВ (*отрицательно покачал головой, словно опасаясь, что его не поняли*). Пропали дети.

Свет уходит со сцены. Только наверху, на двери молочно-белого стекла видно, как двое детей сидят в креслах напротив телевизора. Они смотрят мультфильм. Бессмертный голос Клары Румяновой исполняет всем известную «Песенку Мамонтёнка»:

***Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети...***

ЯРИК ЯРЫГИН пьёт лимонад. ДАША ХАУСТОВА укачивает на руках игрушечного медведя. Они смотрят телевизор.